

ПРОДУКТЫ МЕЖУРОВНЕВОЙ ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В СВЕТЕ ВАРИАТИВНОСТИ

Т.А. Басова

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия*

Язык развивается и обогащается разными путями, в том числе через образование новых единиц на базе фразеологизмов, и статья затрагивает явление отфразеологической деривации, а также описывает основные типы фразеологической вариативности с точки зрения разных подходов. Впервые дается подробная характеристика работам П. Исида и Ю. Миядзи. В процессе исследования выявляются основные отличия отечественного и японского подхода к отфразеологическим лексическим дериватам, ряд которых причисляется японскими лингвистами к структурным вариантам исходных фразеологизмов ввиду крайне плотных связей между словами и фразеологизмами. Углубление в японский подход и прояснение связей соотносительности позволяет по-новому взглянуть на взаимосвязь отфразеологических образований с исходными единицами и пролить свет на то, могут ли они быть межуровневыми эквивалентами друг друга.

Ключевые слова: фразеологическая вариативность, фразеологическая деривация, лексические варианты, словообразование.

Сжатие словосочетаний в одно слово, в том числе отфразеологическое словообразование, – один из языковых процессов, привлекающий все большее внимание лингвистов.

В японском и английском языках фразеологизмы нередко служат материалом для образования новых единиц, быстро встраивающихся в узус, и автоматически вступают с ними в отношения производящего и производного, поэтому до сих пор это явление рассматривалось как деривация (от лат. *derivatio* «отведение»), которой присуща определенная иерархия (т. н. деривационное гнездо и его уровни). Тем не менее в японской лингвистике существует и другая точка зрения, согласно которой некоторые лексические образования, произошедшие от идиом, считаются тождественными исходным фразеологизмам и возводятся в статус структурных вариантов, являющихся одним из проявлений фразеологической вариативности. Целью данной работы является анализ данного подхода и выявление его отличий от отечественного.

Язык развивается и обогащается разными путями, в том числе через образование новых единиц на базе фразеологизмов, что принято называть фразеологической деривацией, являющейся объектом исследований ученых с разных ракурсов (А.В. Кунин, Н.М. Керимзаде, В.Н. Пугач, Т.Н. Федуленикова, Т.Н. Fedulenkova, И.Е. Половова, Н.Ф. Алефиренко, Е.Н. Ермакова, Y. Miyaji, P. Ishida).

Генетическая связь *фразеологизм* → *новое слово* издавна вызывала интерес ученых. Перспективность подобного словообразования отмечал еще В.В. Виноградов, видя во фразеологических единицах источник рождения новых слов [3, с. 122].

В разное время этой проблемой занимались Н.Ф. Алефиренко, Н.М. Шанский, О.С. Ахманова, В.М. Мокиенко, Е.Н. Ермакова и другие. Английские отфразеологические образования, в числе которых могут быть как новые фразеологизмы, так и лексемы, были описаны А.В. Куниным еще в пятидесятых годах прошлого века [6, с. 1451–1455]; существуют исследования компрессии и словосложения в английском языке как видов словообразования (О.Д. Мешков, М.В. Умерова, И.Г. Ищенко), а также отфразеологической деривации (фразеологической и лексической) в структурно-семантическом аспекте (И.Е. Половова). Что касается японского языка, производились типологические исследования японских сложных слов, в том числе фразеологического происхождения (А.А. Пашковский), а отфразеологические сложные слова рассматривались в свете фразеологической вариативности (Miyaji, 1985; Ishida, 1998, 2015).

На данном этапе развития во фразеологической науке дифференцируются следующие структурно-генетические группы отфразеологических дериватов, впервые разграниченные А.В. Куниным:

1. Вторичная фразеологизация, т. е. образование новых фразеологизмов из более длинных ФЕ (чаще всего пословиц) путем обособления группы инициальных, финальных или срединных компонентов (*Habit is (a) second nature* ‘Привычка – вторая натура’ → *second nature* ‘вторая натура’; *Abunai hashi mo ichido wa watate* «И опасный мост однажды пересекли» (ср. с Кто не рискует, тот не пьет шампанского) → *abunai hashi wo wataru* «пересекать опасный мост» ‘идти на риск’; *abunai hashi* «опасный мост» ‘рискованная ситуация’).

Не следует смешивать это понятие с количественными вариантами, которые все же сохраняют полную тождественность с исходными единицами.

2. Лексическая деривация (отфраземное словообразование), которая, согласно Н.Ф. Алефиренко, в свою очередь подразделяется на два вида: а) морфолого-синтаксический способ [1, с. 104–109], т. е. образование сложных слов как минимум из двух компонентов фразеологизма с усечением или без усечения остальных в зависимости от длины ФЕ (*to make smb.'s head spin* → *head-spinningly* ‘невероятно, поразительно’; *mimi ni tatsu* «стоять в ушах» → *mimidatsu* ‘запоминаться, звучать в ушах’); б) лексико-морфологический способ: одиночный компонент фразеологизма наделяется новыми значениями, перенятыми от ФЕ, но в языке начинает функционировать с морфологическими преобразованиями (аффиксами, окончаниями). В выражении *gyuujī wo toru* «брать ухо быка» ‘лидировать, верховодить’ *gyuujī* – это цельное слово, состоящее из двух корней китайского происхождения (корнесложное слово) со значениями «бык, корова» и «ухо». *Gyuujī* – это старокитайское заимствование, и этимологически фразеологизм восходит к «Цзо-чжуань», в котором описан обряд отрезания уха быку при заключении договора между правителями или князьями. В японском такие ФЕ называются *kojiseigo* (故事成語 – идиоматические выражения, восходящие к историческим событиям или классической литературе Китая). В современном японском языке морфема *jī* ‘ухо, уши’ выделена и может участвовать в других корнесложных словах, но обособленно не используется. Путем добавления к корнесложному слову *gyuujī* ‘уши быка’ типичного глагольного окончания *gi* (что весьма необычно, так как к китайцам в японском обычно добавляется вербализатор *suru*) образуется глагол *gyuujiru* (букв. «быкоушить») с тем же значением, что и у ФЕ: ‘верховодить’. Новая семантика развивается у одного компонента фразеологизма, но благодаря морфологическим изменениям образуется лексическая единица, ранее не существовавшая в языке. В японском языке в сфере отфразеологической деривации – это редчайший случай. Такое явление возможно и в русском: например, *тянуть канитель* → *канительиться*. Ср. с *a lame duck* → *duck* ‘неудачник’ (морфологических преобразований нет, только семантические). Таким образом, мы имеем лексические дериваты не из двух, а из одного компонента ФЕ (простого или сложного слова) с семантическим сдвигом, спровоцированным значением фразеологизма; в данном способе сочетаются признаки лексической и семантической деривации.

3. Семантическая деривация, т. е. обогащение семантики отдельных слов, являющихся концептуально важными или смыслообразующими компонентами фразеологизма, без иных преобразований (*to cut the Gordian knot* → *Gordian* ‘гордиев’; ‘запутанный’; *взбрело в голову* → *взбредать* ‘с трудом подниматься’; ‘вздуматься’; *gyuujī wo toru* («брать ухо быка») ‘верховодить, быть лидером’ → *gyuujī* (букв. «быкоухо») ‘уши быка’; ‘гла-

варь воров-карманников’ (жарг.)). По Н.Ф. Алефиренко, этот способ также именуется лексико-фразеологической конденсацией, т. е. «смысловой компрессией производящей фраземы и вычленением из ее состава одного из компонентов» [1, с. 101]. Такие компоненты могут вбирать в себя семантику фразеологизма как полностью, так и частично.

Однако чтобы составить полную картину отфразеологической деривации, необходимо упомянуть еще об одном частном случае лексической деривации, обнаруженном в японском языке: фразеологической аббревиации, то есть образовании сложносокращенных слов из двух компонентов фразеологизма. См. подробнее в [2, с. 423–429].

Слова на базе фразеологизмов образуются вследствие ряда факторов, которые условно можно разделить на объективные и субъективные. Перечислим основные из них.

Объективные факторы: а) типологический характер языка, который определяет модели сочетаемости на разных его уровнях, а также степень естественности и распространенности того или иного вида словообразования (в данном случае словосложения и универбации, то есть «склеивания» словосочетаний или предложений), б) закон речевой экономии (экономии времени и усилий), описанный еще А. Мартине в 1955 году, как принцип языковой организации и движущая сила языковых процессов, в том числе сжатия языковых единиц, в) быстрый темп развития мира, возникновение новых явлений и состояний, требующих новых номинаций.

Субъективные факторы: а) стремление носителей заполнить лакуны, достичь большей семантической емкости, б) расширить синтаксический и синтагматический потенциал образа, заключенного в ФЕ, так в синтаксисе и сочетаемости лексемы ведут себя свободнее и многовалентнее, чем фразеологизмы, в) создать яркие, экспрессивные образы, проявить креативность, языковое творчество, г) стремление повысить эффективность коммуникации, д) стремление к варьированию и разнообразию, в том числе чтобы избежать в тексте или речи повторов, заменив уже употребленную в одном месте ФЕ на иную единицу номинации – отфразеологическую лексему, сохраняющую тот же образ, – в другом месте (см. об этой тенденции в [5, с. 182–183]).

Процесс отфразеологического словообразования наблюдается и в английском, и в японском, и в русском языках, но с некоторыми индивидуальными особенностями. Английский и японский языки в целом демонстрируют гораздо больший словообразовательный потенциал фразеологических единиц с соматическими компонентами, чем русский. Русский язык ввиду особенностей своей структуры и сравнительно слабых тенденций к лексикализации идиоматических словосочетаний значительно уступает двум другим языкам. Некоторые ученые отмечают перспективность возникновения окказиональных отфразеологических сложных слов в современном русском языке:

Е.Н. Ермакова отмечает: «Раскрепощённость носителей языка – отличительная черта современной эпохи, и, как следствие этого, в языке наблюдается обилие всевозможных новообразований, которые ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, а на способности, заложенные в системе языка. Появление окказиональных слов в языке, образованных на базе фразеологизмов, – это и есть, чаще всего, те новообразования, которые вызваны временем и заполняют лакуны лексической системы, не занятые имеющимися нормативными лексемами» [4, с. 210]. Таким образом, свобода выражения позволяет носителям создавать новые лексемы под определенные цели, но в русском «...инновации появляются как окказионализмы, и только немногие из них впоследствии приобретают статус узуальных лексем»; «...даже став полноправными единицами языка, эти производные лексемы нередко имеют ярко выраженную разговорную окраску и сохраняют эмоциональную выразительность» (напр., не от мира сего – неотмирасегошный) [4, с. 206]. В русском языке отфразеологические лексемы с соматическим компонентом не только сравнительно малочисленны, но и с трудом закрепляются в узусе, чаще оставаясь лишь авторским словотворчеством с яркой стилистической окраской. В английском и японском языках наблюдается более высокая продуктивность отфразеологического словообразования и быстрое закрепление подобных единиц в употреблении, о чем свидетельствуют следующие показатели:

1. Исторически сформировавшиеся структурные и словообразовательные модели в системах английского и японского языков; в японском языке словосложение (в том числе на базе словосочетаний) признается самым производительным видом словообразования, согласно Масаёси Сибатани [10, с. 237]; возможности самих языковых систем легко допускают и даже провоцируют естественное сращивание словосочетаний в единые лексемы, что позволяет продуктам этого преобразования гладко встраиваться в общий лексический фон. Модели сложных слов очень устойчивы и воспроизводятся в новообразованиях. К примеру, весьма продуктивно в плане словообразования проявляют себя как неидиоматические, так и идиоматические словосочетания со структурой прилагательное + существительное (субстантивные сочетания) в английском и существительное + глагол (глагольные и предикативные сочетания) в японском. Также в английском распространен способ лексикализации многокомпонентных неидиоматических и идиоматических словосочетаний любой структуры через постановку дефисов между компонентами, в том числе для создания окказиональных составных слов (*temporagyu compounds*), что говорит о продуктивности модели.

Ключевым моментом, разграничивающим эквивалентные единицы (варианты) и производные единицы (фразеологические дериваты), является сохранение или разрыв тождества, наличие или потеря общего инварианта информации. Т.Н. Фе-

дуленкова, обсуждая краткие ФЕ, образованные на базе многокомпонентных английских пословиц, поднимает вопрос о том, являются ли они фразеологическими вариантами или фразеологическими дериватами, и приходит к выводу, что они не могут относиться к фразеологической вариативности, если не сохраняют все свойства фразеологического тождества, сформулированного А.В. Куниным в его докторской диссертации, даже если имеют определенные ассоциативные связи со своим фразеологическим прототипом. Потеря более чем двух третей лексического инварианта помимо других семантических и стилистических нюансов закрепляет их в статусе фразеологических дериватов [8, с. 47].

Отфразеологические лексемы тем более не принято связывать с фразеологической вариативностью: они уже не относятся к фразеологическому уровню языка. А.В. Кунин выделяет следующие ключевые отличия, не позволяющие каким бы то ни было лексическим единицам (синонимичным или производным) выступать в качестве эквивалентов ФЕ:

- слово – это единица другого уровня языка;
- фразеологизм, будучи раздельнооформленным, иначе актуализируется в дискурсе;
- общность грамматических функций не должна быть переоценена, так как не означает одинаковое функционирование в синтаксисе и сочетаемости;
- сходства между лексемами и фразеологизмами все равно не заслоняют специфики последних [7, с. 17–18].

Однако есть ли во фразеологизме и его лексических производных нечто эквивалентное? А.В. Кунин, обсуждая связь фразеологизмов и синонимичных лексем, отходит от зыбкого понятия «слово-эквивалент» и видит в сходных по смыслу единицах отношения соотнесенности; для исследования этих отношений, как он пишет, «...особое внимание уделяется словам, являющимся словарными идентификаторами фразеологизмов» [7, с. 21]. Отфразеологические лексемы, использующиеся в том числе для идентификации фразеологизмов в словарных статьях, все же отличаются от обычных лексических синонимов в дефинициях фразеологизмов тем, что имплицитно содержат гораздо больше уникальной информации (семантической, стилистической, лингвокультурной), унаследованной напрямую от ФЕ-прототипов, и в некоторых случаях сохраняют их полную специфику. Связи соотнесенности гораздо ниже у пары «with half a heart – inertly», чем у пары «with half a heart – half-heartedly», что представляет большой исследовательский интерес. Последняя пара настолько близка, что дает возможность исследовать ее с точки зрения совпадения ключевой инвариантной информации, имплицитно присутствующей в обеих единицах в максимальной концентрации, и проанализировать степень тождественности ФЕ и лексемы.

Именно такой взгляд на проблему обнаруживается у японских исследователей. Японский подход к проблеме отфразеологических лексем зна-

чально получил развитие с другого ракурса – ракурса вариативности. В статье «Идиомы и подобные им единицы: словосочетания, пословицы и сложные слова» Ютака Миядзи впервые обращает внимание на составные лексемы, возникшие из двухкомпонентных фразеологизмов и обладающие тем же идиоматическим значением, указывая на их сильную связь с порождающими единицами [13, с. 70]. Опираясь на исследования Мураки (1985), Морита (1985) и Ито (1989), Присцилла Исида отмечает, что, несмотря на то, что ФЕ обладают достаточной устойчивостью, некоторые из них все же могут претерпевать изменения внешней формы, и приводит примеры разных пар вариантов, среди которых перечисляются в том числе и отфразеологические сложные слова (複合語 – *fukugougo*, т. е. слова, состоящие из двух и более знаменательных морфем): *me ni tatsu* → *medatsu* ‘выделяться’ (лексикализация фразеологизма), *kageguchi wo kiku* → *kageguchi wo tataku* ‘злословить’ (лексическая замена), *kuchiguruma ni noru* → *kuchiguruma ni noseru* ‘завлечь сладкими речами/повестись на сладкие речи’ (морфологическое преобразование переходного глагола в непереходный) и т. д. Формулируя базовое понятие вариативности, П. Исида пишет: «Фразеологической вариативностью (вариантами) (慣用語の変異形 – *kan'yōku no hen'ikei*) называют манифестацию структурного и семантического соответствия одних идиом другим идиомам и сложным словам, подобно перечисленным выше» [11, с. 43].

Под понятием структурных изменений вариантов (構造的变化 – *kouzouteki henka*) она подразумевает изменения в структуре и грамматической функции, которые дают два типа фразеологических вариантов:

1. Фукуго:го – сложные слова как вид структурных вариантов:

а) частеречный характер или грамматическая функция которых не меняется: *me ga sameru* ‘осознать’ → *mezameru* ‘осознать’ (глагольная ФЕ → глагол);

б) частеречный характер которых меняется посредством словоизменения (изменение основы глагола): *kuchi wo dasu* ‘встревать (в разговор)’ → *kuchidashi* ‘встревание’ (глагольная ФЕ → существительное), то есть происходит процесс конверсии, когда глагол переходит в рэнгёкэй (вторая основа глагола или т. н. континуативная форма, позволяющая ему выступать и как существительное). Такие существительные свободно вербализуются образно через *suru*: *kuchidashi suru* ‘встревать’.

2. Квантитативные варианты, при которых добавляется или сокращается количество составляющих ФЕ [11, с. 46].

Кроме этого, она также выделяет варианты с частичным изменением лексического состава (語彙的变化 – *goiteki henka*), под которым подразумевает стандартную лексическую вариативность.

В последующих работах Исида опирается на эту же трактовку: фразеологические варианты определяются как два и более идиоматических вы-

ражения с подобным лексическим составом и значением и имеют статус относительно стабильных единиц японского языка (т. е. не окказиональны) [12, с. 80]. Фразеологические варианты «немного разнятся в лексике и структуре, но при этом имеют много общего в формальных и семантических характеристиках, поэтому можно сказать, что они в отношениях соотнесенности (対応関係 – *taiou kankei*). Они распространены в употреблении и зафиксированы в словарях, что свидетельствует об их узуальности» [9, с. 55]. При этом Исида отмечает интуитивный характер освоения проблемы вариативности в сфере японского языка: «Очевидно, что исследования японской фразеологии в некоторой мере охватили феномен фразеологической вариативности. Однако до настоящего момента ученые опирались на интуицию, собирали данные вручную или в узконаправленных базах данных. Данная статья предлагает использовать данные корпусов текстов, чтобы получить более ясную картину вариативности, включая типы вариантов, устоявшиеся формы ФЕ, их частоту и распространенность» [9, с. 81], что подтверждает общее впечатление недостаточной разработанности этого вопроса. Фокусируясь в исследованиях на идентификации фразеологизмов, их общей характеристике, методах извлечения вариантов из японских корпусов текстов и выстраивании статистики, она, как и другие японские исследователи, не очерчивает достаточно строгие границы самого термина фразеологический вариант, особенно относительно сложных слов. «Отфразеологическое сложное слово – это вариант, возникший вследствие структурных изменений в выражении, а именно вследствие сокращения количества компонентов (выпадения служебных частиц)» [9, с. 81–82]. Исида, разумеется, принимает во внимание разницу между лексической и фразеологической единицей, но отмечает, что в японском языке при лексикализации ФЕ часто сохраняется категориальная принадлежность: глагольные ФЕ порождают глаголы, а адъективные ФЕ – прилагательные; при возникновении существительных возможна вербализация через глагол *suru* ‘делать’, который реализует грамматическую функцию действия, но не несет знаменательного смысла (*me ga kiku* → *mekiki suru* ‘подмечать, оценивать’). Надо заметить, что такое встречается и в английском: *to search one's heart* – *to do heart-searching* ‘заниматься самоанализом’.

Главным в теории Исиды является тезис о том, что сложные слова выражают значение идиомы. Опираясь на представленные в ее исследованиях примеры (*me ni tatsu* ‘выделяться’ – *medatsu* ‘выделяться’, *me ga sameru* ‘осознать’ – *mezameru* ‘осознать’, *hanamochi ga naranai* ‘непереносимый’ – *hanamochinaranai* ‘непереносимый’, *mimi ni sawaru* ‘резать слух’ – *mimizawari* ‘неприятный на слух’, *kuchi wo dasu* ‘вмешиваться’ – *kuchidashi* ‘вмешательство’, *hara ga kuroi* ‘злой, аморальный’ – *haraguroi* ‘злой, аморальный’, *kokoro ni kakeru* ‘держат в памяти’ – *kokorogakeru* ‘держат в памяти’ и др.), можно сделать вывод, что вариантами названы не любые отфразеологи-

ческие дериваты, а только те сложные слова, которые образовались от двухкомпонентных фразеологических единиц (как предикативных или адъективным компонентом (как с глагольных или адъективных по модели словосочетания) и сохранили значение (т. е. наблюдается либо полное сохранение того же значения, либо его транспозиционный переход со сменой основы глагола). Но некоторые приведенные в ее работах примеры все же вызывают вопросы ввиду того, что значение явно расширяется: *me wo samasu* «пробудить глаза» ‘проснуться, пробудиться, прийти в чувство, осознать, прозреть’ – *mezamashi* ‘будильник; бодрость; лекарство от сонливости; сладость, которую дают ребенку при пробуждении’; в данном сложном слове сохраняются некоторые семы исходного выражения, но не качество и количество значений ФЕ-прототипа. Иными словами, это скорее косвенные отголоски семантики идиомы, позволяющие лексеме развить на их базе новые актуальные дефиниции, что говорит о недостаточно точном формулировании семантического критерия при оценке вариантов в работах Исиды. В монографии «Японские и английские идиомы с точки зрения лингвистики» Исиды приводит общую характеристику фразеологизмов английского и предполагает, что ее классификация вариантов также применима к английскому языку. Неполное совпадение синтаксического функционирования, наблюдающееся в ряде случаев, особенно при несовпадении категориальной принадлежности, не рассматривается Исидой как фактор разрушения эквивалентности ФЕ и образованных от них сложных слов, что также составляет значительное отличие от концепции А.В. Кунина.

С нашей точки зрения, анализ некоторых отфразеологических слесем как лексикализованных вариантов фразеологизмов, а не только как отфразеологических дериватов представляет интерес и предоставляет широкие перспективы для дальнейшего исследования.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Издательство «Флинта», 2009. – 344 с.
2. Басова, Т.А. Фразеологическая аббревиация в японском языке / Т.А. Басова // Языки и культуры: междисциплинарные исследования. –

Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2021. – С. 423–429.

3. Виноградов, В.В. Современный русский язык. Вып. 2: Введение в грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1938. – 590 с.

4. Ермакова, Е.Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм // Вестник ЧГПУ, 2012. – № 2. – С. 206–214.

5. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

6. Кунин, А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии // Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: ГИС, 1955. – С. 1451–1455.

7. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.

8. Fedulenkova, T.N. Derivational tendencies in communicative phraseological units / T.N. Fedulenkova // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 44–54.

9. Ishida, P. Japanese idioms in corpus data and phraseological dictionaries: The extraction and representation of variant forms / P. Ishida // *Intercontinental Dialogue on Phraseology 3: Linguo-Cultural Research on Phraseology*. – University of Bialystok Publishing House, Bialystok, 2015. – С. 79–104.

10. Shibatani, M. *The Languages of Japan* / M. Shibatani. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 411 с.

11. 石田 プリシア Ishida, P. 慣用句の変異形について: 形式的固定性をめぐって (Идиоматическая устойчивость и идиоматические варианты) / P. Ishida // *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*. – 1998. – № 5. – С. 43–56.

12. 石田 プリシア Ishida, P. 言語学から見た日本語と英語の慣用句 (Японские и английские фразеологизмы с точки зрения лингвистики) / P. Ishida. – Токио: Кайтакуся, 2015. – 215 с.

13. 宮地裕編 Miyaji, Y. 慣用句の周辺-連語 ことわざ複合語- (Идиомы и подобные им единицы: словосочетания, пословицы и сложные слова) / Y. Miyaji // *Nihongogaku*, 4 (1). – Токио: Мэйдзи сёин, 1985. – С. 62–75.

Басова Татьяна Александровна, аспирант кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации», Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир), tanyatako@gmail.com

Поступила в редакцию 20 марта 2022 г.

PRODUCTS OF CROSS-LEVEL PHRASEOLOGICAL DERIVATION IN THE LIGHT OF VARIABILITY

T.A. Basova, tanyatako@gmail.com

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Language develops by being enriched in many ways, including the formation of new language units on the basis of phraseologisms. The article touches upon the phenomena of phraseological derivation and describes the main types of phraseological variability according to different approaches. A detailed characteristic of P. Ishida's and Y. Miyaji's works is given. The most significant differences between the Russian and Japanese approaches to phraseology-based lexical derivatives are singled out: the Japanese linguists consider some of them to be structural variants of original units due to the close ties between the lexemes and phraseological units (PU). Studying the Japanese approach and the degree of congruence between PUs and lexemes derived from these units helps to take a fresh look at the relationship between PU-based lexemes and original units. The study sheds light on the question of them being cross-level equivalents.

Keywords: phraseological variability, phraseological derivation, lexical variants, word formation

References

1. Alefirenko N.F. *Frazeologia i paremiologia* [Phraseology and Paremiology]. Moscow, Flinta Publishing house, 2009. 344 p.
2. Basova T.A. [Phraseological abbreviation in Japanese]. *Yaziki i kultury: mezhdistsiplinarnie issledovaniya* [Languages and cultures: cross-disciplinary studies]. St. Petersburg State University Publishing, 2021, pp. 423–429. (In Russ.)
3. Vinogradov V.V. *Sovremenniy russkiy Yazik. Vyp. 2: Vvedeniye v grammaticheskoe uchenie o slove* [Modern Russian language: introduction to the grammatical teaching of the word]. Moscow: Uchpedgiz, 1938. 590 p.
4. Ermakova E.N. [Phraseology-based word formation in modern Russian: reasons, conditions, mechanism]. *Vestnik CHPGU* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2012, no. 2, pp. 206–214. (In Russ.)
5. Kubryakova E.S. *Tipy yazikovyh znacheniy: semantica proizvodnogo slova* [Types of meaning in language: semantics of derivatives]. Moscow: Nauka, 1981. 200 p.
6. Kunin A.V. *Nekotorye voprosy angliyskoy frazeologii* [Issues in English Phraseology]. *English-Russian phraseological dictionary*. Moscow: GIS, 1955, pp. 1451–1455. (In Russ.)
7. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Modern English phraseology course]. Dubna: Fenix, 1996. 381 p.
8. Fedulenkova T.N. Derivational tendencies in communicative phraseological units. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], no. 1, 2005, pp. 44–54.
9. Ishida P. Japanese idioms in corpus data and phraseological dictionaries: The extraction and representation of variant forms. *Intercontinental Dialogue on Phraseology 3: Linguo-Cultural Research on Phraseology*. University of Bialystok Publishing House, Bialystok, 2015, pp. 79–104.
10. Shibatani M. *The Languages of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 411 p.
11. 石田 プリシア Ishida, P. 慣用句の変異形について:形式的固定性をめぐって [Idiom Frozenness and idiom variations]. *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*, 1998, no. 5, pp. 43–56. (In Jap.)
12. 石田 プリシア Ishida, P. 言語学から見た日本語と英語の慣用句 [English and Japanese idiom from a linguistic standpoint]. Tokyo: Kaitakusha, 2015. 215 p. (In Jap.)
13. 宮地裕編 Miyaji, Y. 慣用句の周辺-連語 ことわざ 複合語 [On the border of idioms: Collocations, proverbs, and compounds]. *Nihongogaku*, 1985, 4 (1), pp. 62–75. (In Jap.)

Tatiana A. Basova, post-graduate student at the Department “Foreign Languages of Professional Interaction”, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir), tanyatako@gmail.com

Received 20 March 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Басова, Т.А. Продукты межуровневой отфразеологической деривации в свете вариативности / Т.А. Басова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 62–67. DOI: 10.14529/ling220308

FOR CITATION

Basova T.A. Products of Cross-level Phraseological Derivation in the Light of Variability. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2022, vol. 19, no. 3, pp. 62–67. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling220308